

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина
СЕРОВА

*Криминальный
кураж*



Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Криминальный кураж

«Научная книга»

Серова М. С.

Криминальный кураж / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Как хорошо все начиналось – веселая вечеринка с ароматным шашлычком на уютной дачке. А закончилось... Совсем неважно закончилось – тем, что частному детективу Татьяне Ивановой, гостье на этом празднике, пришлось приступить к своим профессиональным обязанностям и начать разыскивать труп хозяина, а потом и его убийцу. Криминальный кураж захватывает Татьяну. Она сделает все, но выяснит, кто же он, этот хитрый враг, – милая скромная женщина, источающий комплименты красавец-мужчина, известная бизнес-леди или дружная семейная пара?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Криминальный кураж

Глава 1

– Танюшка! – ринулся ко мне высоченный худой парень с взъерошенными темно-рыжими волосами. В голосе его звучала искренняя радость от встречи. Наверное, она же катастрофически сказала на его способности ориентироваться в пространстве. Особенно это стало заметным, когда парень, как на ходулях, переступая своими длинными ногами, начал приближаться ко мне. По пути он свалил хрупкий круглый столик из потертого красного пластика, и пепельница – обрезанная банка из-под пива «Хольстен» – с жестяным «звяк-с» покадилась по плиткам, которыми был выложен пол летнего кафе.

Пока парень, то и дело кося на меня взглядом, будто боялся, что я сбегу, ставил на место столик и ловил юркую пепельницу, он умудрился задеть зонт, и тот, упав, прикрыл обзор сидевшей за одним из соседних столиков парочке. Девушка вскрикнула, а ее молодой человек весело рассмеялся, буркнув:

– Ну и неуклюжий тип!

– Простите, – растерянно пролепетал парень, неловко пытаясь вставить стержень красно-белого зонтика обратно в паз. – Я не хотел, так неудобно вышло...

Я с трудом сдерживала смех. Официантка перепуганно выскочила из-за стойки, где только что обитала сперва с равнодушным, потом с недоуменным видом, и воскликнула:

– Не трогайте ничего, я сама все приведу в порядок!

Видимо, эта дебилка с крашеными светлыми волосами, забранными в конский хвост на затылке, наконец поняла: надо держать странного парня подальше от мебели, а то можно лишиться всей обстановки.

Наконец неуклюжий тип подобрался к моему столику, не нанеся более ущерба, и снова воскликнул:

– Татьяна, неужели ты меня не узнаешь?

У меня же за время многочисленных неловких телодвижений нового посетителя кафе просто не было возможности разглядеть его физиономию. Теперь я, конечно, узнала типа. Им оказался мой старый знакомый, хороший приятель Ванька Сидоренко. С худощавого лица светились умом и сообразительностью ярко-синие глаза с белоснежными, как у ребенка, белками. Подбородок был замечательно выбрит, что еще больше подчеркивалось красными полосками, оставленными бритвой. Вздернутый нос, усыпанный крапинами веснушек, придавал Ванькиной наивно-умной физиономии нечто лукавое.

– Привет, – улыбнулась я, – присаживайся. Давно не виделись.

– Танечка, как здорово, что мы встретились! – плюхнувшись в кресло и тут же кувырнувшись вместе с ним назад, восторженно и немного придушенно заявил Сидоренко. Но он легко вскочил с пола, как огромный кузнечик, поставил кресло на место и наконец устроился в нем. – Я хотел тебе позвонить на днях, но, представляешь, потерял твой номер телефона. И только сегодня утром нашел – оказывается, записная книжка была в старом пиджаке. Ты не поверишь, я ее постирал вместе с ним. Книжка вся разлезлась, но твой телефон разобрать еще можно.

Я засмеялась, следя за мыслью рыжего Сидоренко. Встретив его в первый раз, никогда в жизни не подумаешь, что эта неуклюжая личность с повадками клоуна и ужимками Чарли Чаплина – восходящая звезда тарасовской науки.

– Ты все там же? – поинтересовалась я, с любопытством рассматривая приятеля и дивясь на его новенькие и безумно дорогие «Ливайсы». Раньше Ванька ходил в задрипанных отеч-

ственных. В НИИ, где он работал, платили не просто мало, а очень мало. Может быть, он в бизнес подался? Не верится. С его «везучестью» в бытовом плане...

– Ну да. Танюш, прикинь, наше НИИ взяли под крылышко! – ликующе воскликнул Сидоренко, теребя рыжий вихор, непокорно спадавший на глаза. Глаза его засияли. И вообще, приятель светился, излучая острую радость. От встречи со мной, полагаю. – Слушай, пиво будешь? Пойду закажу! – Ванька с готовностью привстал, но я его опередила:

– Сиди уж. Кафе не такое плохое, не стоит его разносить, – шутливо бросила я, поднимаясь. – Тебе какое?

Кивнув с видом покорности судьбе, Сидоренко протянул мне купюру и смущенно буркнул:

– На твой вкус.

Я отправилась к стойке, за которой стояла встревоженная официантка, не сводившая круглых глаз с моего знакомого.

На улице цвела и пела весна. К концу мая погода наконец вспомнила о своих обязанностях, расцвела молодой листвой тонко-серые ветви деревьев и «включила» птиц, которые заливались, радуясь солнышку. Именно в этот замечательный день я решила порадовать себя и устроить маленький праздник в летнем кафе. Конечно, я с легкостью могла отправиться и в ресторан – гонорары позволяли, несколько дней назад я завершила очень сложное дело, оплаченное замечательно. Но в такую теплынь грешно сидеть в закрытом помещении, поэтому я и выползла на «бродвей». Улицу заполонили гуляющие, наслаждавшиеся по-летнему теплым днем. Солнце пылало и искрилось, даря свои лучи всем подряд. Кошки развалились на залитых желтым теплым светом квадратах плитки, подставив потрепанные зимой брюшки под солнце, словно загорали.

И надо же мне было оказаться именно здесь, где решил провести время и Ванька!

С ним мы познакомились довольно давно, Сидоренко проходил свидетелем по делу, которое я вела. Такие свидетели, как он, просто аномалии природы – все окружающие у них хорошие, а они сами никого не видели и не знают. Такое его отношение к жизни тогда заставило меня заподозрить в убийстве самого Ваньку. Но подозрения не подтвердились. К счастью. Потому что человеком Сидоренко оказался замечательным. Несмотря на то что периодически стирает брюки с только что полученной зарплатой в карманах, роняет столы и стулья и разбивает любимые чашки из дорогого сервиза.

Наконец, мне вручили две баночки «Доктора Дизеля», в рекламе которого фигурирует очаровательный мужчина с широченными плечами и узкими бедрами, внешность которого выгодно дополняют рожки и длинный хвостик с кисточкой. И я благополучно дошла до столика.

Сидоренко восторженно при моем появлении и залился счастливым смехом. Открывая банку с пивом, он, конечно, немедленно полил свои чистые джинсы ароматной пеной, но не заметил этого и поинтересовался:

– Танюш, а ты все так же делишки расследуешь?

Надо сказать, я – частный детектив. Причем, как утверждают многие, лучший в Тарасове. Ко мне обращаются люди разные, в том числе принадлежащие к сильным мира сего. А больше всего те, кому требуется помощь, лишенная присущей официальным расследованиям огласки. И я благополучно выручаю их из неприятностей. Причем репутация у меня настолько высока, что люди готовы платить большие деньги. Один день моей работы стоит двести долларов, а клиентов тем не менее хватает.

– Да, расследую помаленьку, – вскрыв ногтем большого пальца свою баночку и отпив глоток приятно холодного пива, откликнулась я. И тут спохватилась: – Слушай, а зачем ты собирался мне звонить? Соскучился? – поддела я.

– Ну конечно, соскучился. Ты же совершенно очаровательная личность, – рассыпался в похвалах Ванька. – А если серьезно... Если серьезно, я хотел пригласить тебя совместно провести время.

– В смысле? – я вскинула брови, ожидая продолжения и заранее намереваясь согласиться. А что делать? Хоть развлекусь, отдохну. Хорошо, что работы пока нет – весна не располагает к умственной и физической деятельности.

– Ну, мы решили отметить успешное завершение последнего проекта, – пустился в объяснения Сидоренко. – И я подумал: неужели одному идти? В конце концов, с дамой солиднее будет.

Это точно, солиднее.

– И где же вы собираетесь отмечать?

– На даче у Андрюхи, нашего руководителя отдела. Устроим шашлычок, пикничок с водочкой... – Сидоренко мечтательно закатил глазки, мерцавшие младенческой синевой, и томно сощурился на весеннее солнце. – Заодно майские праздники обмоем. Ну что, Танюш, согласна?

– Почему бы и нет? – философски откликнулась я.

А стоило бы тогда проявить большую рассудительность.

* * *

Я полулежала в кресле, закинув ноги на журнальный столик, пила кофе и курила «Честерфилд». За окнами накрапывал дождь, подчеркивая мое расслабленное полусонное состояние. Обидно, если шашлыки обломятся. Но нет – думаю, до этого не дойдет. Так даже романтичнее – жареное мясо на природе, под дождичком, среди свежемытой листвы и травы.

С Сидоренко мы договорились, что он заедет ближе к вечеру. И мы отправимся на пикничок. Все-таки он забавная личность. Пока провожал меня до дома, умудрился отыскать лужу, хотя дождя не было черт знает сколько, и забрызгать свои ботинки вкупе с моими туфлями. Помимо этого едва не попал под машину, благо я успела вцепиться в его локоть и выдернуть из-под колес навороченного джипа. Хозяин джипа при этом кульбите осыпал нас «похвалами», демонстрируя завидное знание русского мата, несмотря на то что внешность у водилы была определенно нерусская.

Потянувшись и затушив сигарету в пепельнице, я отправилась на кухню сварить себе еще кофе. Недавно купила зерновую «Арабику» с неповторимым жестковато-обволакивающим вкусом кофейной горечи и бесподобным ароматом. В моменты, когда в моей квартире витает терпкий кофейный дымок, мне кажется, что жизнь прекрасна и удивительна. И вообще, я обожаю кофе. Не суррогаты, расфасованные в красивые жестянки с яркими наклейками, а нормальный зерновой кофе. Это моя слабость. Я кофеманка.

На гладко-черной поверхности кофе в джезве появилась пухлая пенка и начала подниматься к краям, стремясь затопить плиту. Быстро отключив газ, я оставила свежесваренный напиток на плите – пусть отстаивается. Сама же выудила из сумки замшевый мешочек с «костями», нежно прикоснувшись пальцами к мягкому материалу. Из мешочка юрко выскочили три кубика, на которых красовались цифры от одного до тридцати шести.

Эти додекаэдры – вторая моя слабость, не менее весомая, нежели зерновой кофе. Магические «косточки» не раз выручали меня из всевозможных неприятных ситуаций, а также предупреждали. Двенадцатигранники – не люди, они никогда не лгут. Вот только трактовка выпавших сочетаний достаточно сложна, ошибку допустить проще простого.

Сжав «косточки» в ладонях, сложенных «пирожком», я задала вопрос: «Чего мне ждать от вечеринки с Сидоренко?» Несколько секунд подождав, швырнула кости на кухонный стол. Я ожидала увидеть результат вроде: «Возобновление пылкой страсти» или «Скука» и уж никак

не предполагала, что выпадет следующее сочетание: 10+18+27. Что там с тракторкой? Я покопалась в памяти, помогая мозговой деятельности почесыванием затылка, и наконец сформулировала: «Вы найдете огорчения и горе там, где искали забаву». И что теперь? Не ехать? Ну да, конечно, так прямо Сидоренко и отвяжется! К тому же я уже согласилась.

Нет уж, Татьяна Александровна, вы от опасностей не бегали и бегать не будете.

Настроив себя таким образом, я убрала магические «косточки» в замшевый мешочек, а мешочек обратно в сумку, после чего налила себе еще кофе.

Допив кофе, побрела собираться. Полагаю, вечерний туалет на пикнике не будет смотреться органично. Значит, остановлю свой выбор на любимом спортивном варианте.

Я влезла в узкие темно-синие джинсы и ловко застегнула их. Джинсовая ткань плотно обхватила мою тонкую талию. Натянув черную футболку, я выглянула в окно, где царил непогода, и дополнила свой туалет джинсовой же курткой. После чего вышла в прихожую, где у меня стоит большое зеркало, расчесала щеткой длинные светлые волосы пепельного оттенка – между прочим, цвет свой, от природы и от родителей, а не от парикмахерских ухищрений! – и показала язык очаровательному зеленоглазому отражению.

Джинсы эффектно облегли мои стройные ноги и бедра. Волосы, небрежно рассыпавшиеся по плечам, придавали облику нечто обвораживающее, чарующее. В общем, я довольна собственной внешностью и тщательно слежу за ней.

Едва я завершила последние приготовления – бросила в сумку, с которой не расстанусь, пачку сигарет и зажигалку со стола, зашнуровала кроссовки, в дверь позвонили. После чего раздался странный грохот – словно перед самой моей дверью упало что-то достаточно тяжелое.

Отщелкнув замок, я взглянула вперед – и никого не увидела. Присвистнула, потом догадалась опустить глаза. И с трудом сдержала хохот. Ткнувшись носом в мой половичок, перед дверью вольготно развалился Иван Сидоренко. Ну конечно, этот без приключений не обойдется.

– Ванька, подъем! Или ты решил в качестве дверного коврика послужить? – пошутила я. – Учти, платить не буду.

Приятеля надо было спасать, и я протянула ему руку. Ох, зря я это сделала! В следующее мгновение мы лежали вместе – я поверх Ивана, в одной из классических поз Камасутры.

– Все бы тебе издеваться, – кряхтя и отчаянно пытаюсь из-под меня выбраться, пожаловался Сидоренко.

– Слушай, Вань, как ты вообще живешь на свете? – придерживаясь рукой о косяк и с трудом принимая вертикальное положение, поинтересовалась я. – Тебя надо держать в «аквариуме» с обитыми матрацами стенами.

Но Ванька, занятый исключительно подъемом своей нескладной фигуры на задние конечности, мою реплику стойко проигнорировал. А поднявшись, спокойно поинтересовался:

– Ну что, мы идем?

– Разумеется, – кивнула я.

И мы отправились вниз.

– Только не это! – застонала я, узрев перед подъездом синий «жигуленок» пятой модели, принадлежащий Сидоренко и доставшийся ему от родителей. Такой тип за рулем – это хуже, гораздо хуже обезьяны с гранатой. Пока растерянный Ванька отыскивал ключи в карманах своих джинсов, я решительно заявила:

– Либо машину веду я, либо едем порознь, – при этом я с надеждой посмотрела на свою бежевую «девятчку». Она-то меня не подведет, в отличие от старой развалюшки Ивана, которая совершенно не смотрелась рядом с его крутыми джинсами.

– Ладно, веди, – поборов в себе джентльменские наклонности, разрешил Сидоренко и вручил мне ключи. – А я буду показывать, куда ехать.

– Только руками не маши, – попросила я, усаживаясь на продавленное сиденье задрипанной его «пятерки». Это было не пустое замечание: я неплохо знала Сидоренко и поэтому была в курсе, что он периодически начинает махать руками подобно ветряной мельнице. А когда сидишь за рулем, это не самое лучшее, что можно иметь по соседству.

Пикник, на который мы собрались, был организован на даче руководителя отдела, где работал Ванька, у Перцевого. До дачи мы добрались на удивление быстро и буквально минут через двадцать уже тормозили у высокого забора, опутанного колючей проволокой и виноградными лозами. Гостеприимно открытые ворота словно приглашали нас присоединиться к уже собравшимся гостям. Я загнала машину за ограждение, поставив ее на маленьком, выложенном квадратными плитками пятачке у дома впритирку к чьему-то светло-сиреневому «Опелю». Из-за этого получалось, что водительскую дверь открыть оказалось невозможно. Смирившись с мыслью, что придется вылезать через соседнюю дверцу, я развернулась к Сидоренко и поинтересовалась:

– Мы здесь весь вечер просидим?

– Нет, конечно, – мотнул рыжей вихрастой головой Ванька и распахнул дверцу машины.

Салон тут же наполнился прохладно-влажным воздухом, и мельчайшие капельки воды заискрились на панели управления и дерматиновой обивке сидений. Ванька на удивление ловко выскочил из машины и вскинул руку в приветственном жесте. Но смотреть, кого он там приветствует, я не стала, поскольку была занята другим делом: старалась с минимальными потерями перебраться на соседнее кресло.

В общем-то, ничего страшного не произошло – моя куртка всего-навсего зацепилась за торчавший ручной тормоз, и пришлось изворачиваться, чтобы освободить ручник из плена джинсовки. После чего я вылезла наружу под морозящий дождь. По небу плыли серо-свинцовые облака, томно покачивая пухлыми боками. А на дачном крыльце стоял тип, удостоившийся Ванькиного приветствия.

Иван обхватил мой локоть и потянул к дому, едва я успела захлопнуть за собой дверцу машины. Притащив чуть не волоком под тонкий деревянный навес над крыльцом, поставил меня прямо перед ним и начал церемонное представление.

– Знакомьтесь: Андрей Перцевой, мой непосредственный руководитель и очаровательный человек. А это, Андрэ, очень милая и очаровательная Татьяна, удивительная женщина...

– Очень приятно познакомиться, – с вежливой улыбкой протянула я руку, прерывая Ванькин панегирик.

– Взаимно, – кивнул Перцевой, пожимая мои пальцы.

Его по-кошачьи зеленые глаза насмешливо блестели из-за стекол очков, иссиня-черный вихор спадал на высокий крутой лоб, а пухлые губы отличались чувственным рисунком. М-да, этот руководитель мне определенно нравится. Приятный тип. Не лишенный обаяния и интеллекта.

– Танечка, идемте, я покажу вам дом. А ты, – обратившись к Ивану, продолжил Перцевой, – можешь поздороваться со Светой.

– А что, вы только вдвоем? – удивился Сидоренко. – Неужели мы слишком рано? Ну это не моя вина. Татьяна – замечательный водитель.

– Мы не вдвоем, с нами еще и вы, – схохмил Андрей, тоже захватывая в плен мой локоть и с искренним удовольствием рассматривая мои ноги, обтянутые джинсами. – Остальные приедут чуть позднее. Господи, где мне разместить все машины? Идемте, Таня.

Мы прогулялись по всему дому. Дачка Перцевого оказалась очень милой – двухэтажное здание с узкой верандой. С торца в доме имелась еще одна дверь, за которой красовалась площадка с мангалом, мясом на огромном блюде и горкой шпажно-острых шампуров.

– Здесь будет готовиться королевское угощение, – величественно махнул рукой в сторону площадки Перцевой. Но не выдержал тона и хохотнул: – Если точнее, то шашлык.

– Я догадалась, – засмеялась я.

– Танечка, вы любите водку?

– С шашлыком – особенно, – не удивляясь стремительной смене темы, ответила я искренне. Вообще-то, особого тяготения к спиртным напиткам я не испытываю, но в такой дождливо-мрачноватый день горячительное весьма к месту.

Едва мы вышли из дома на задний двор, раздался истошный лай, и из будки выскочил огромный черный доберман. Королевская статья животного странно контрастировала с простотой и незатейливостью окружающей обстановки.

– Пират, тихо! – приказал Перцевой и пояснил: – Он вас еще не знает. Ничего, привыкнет. Пират чаще всего свободно разгуливает по двору, а сегодня «арестован». Просто я не хотел, чтобы он еще больше усугубил намечающееся столпотворение. Чуть позже отпущу, не сидеть же бедняге на цепи все время. Давайте подойдем к нему, – предложил Андрей.

Я, собственно, и не собиралась сопротивляться. Очень мало чего есть в подлунном мире, чего я боюсь. Собаки к этой категории не относятся. И через пару минут общения «с глазу на глаз» мы с Пиратом вполне мирно стояли рядышком.

Мы побродили по саду еще немного, зашли в дом. Заслышав донесшийся со двора рокот мотора, хозяин препроводил меня в большую комнату, к Сидоренко и худенькой девушке, и покинул, бросив напоследок:

– Пойду следующую партию гостей встречать.

Ванька, не особенно поднаторевший в светских условностях, при моем появлении даже не обернулся, по-прежнему стоял у окна, любовался на мрачные облака и дождевые брызги и курил. Девушке он не считал нужным меня представить, и я сделала это сама:

– Здравствуйте, меня зовут Татьяна.

– Привет, – радушно улыбнулась девушка, которая при ближайшем рассмотрении оказалась брюнеткой моих лет, с короткой, почти мальчишеской стрижкой, лукавыми карими глазами и задорной улыбкой. – Можно на «ты», здесь не банкетный зал. Ты девушка нашего Ивана Царевича? Ой, прости, я сама-то и не представилась. Света, секретарша той несчастной шараги, которую называют НИИ.

– Очень приятно, – засмеялась я, усаживаясь в самодельное деревянное кресло-шезлонг. – Нет, я не Ванина девушка. Вообще, я ничья девушка. Просто мы с ним старые знакомые. А почему Иван Царевич?

– Ну не дурачком же его обзывать с его-то именем, – звонко рассмеялась девушка.

Реплика показалась мне забавной, и я тоже засмеялась. В самом деле, при Сидоренкиной везучести ему только такое прозвище и подошло бы.

Во дворе происходила какая-то возня. Жужжание мотора, шорох колес по асфальту, голоса.

– Лавкины приехали! – возвестил совершенно забытый нами Ванька, заставив нас вздрогнуть.

Светкино лицо исказилось едва заметной неприязнью, и она таинственно-театральным шепотом заявила:

– Он – жуткий карьерист, она – проститутка по состоянию души. Милая парочка.

– Неужели так страшно? – из вежливости буркнула я. Не люблю сплетен. Хотя в моей работе они несказанно помогают, ведь в каждой сплетне есть доля правды.

– Сама увидишь, – злорадно фыркнула Светлана.

Милая девушка, она мне определенно нравится.

Тут Лавкины вошли в дом, сопровождаемые гостеприимно улыбающимся хозяином, и Светка стремительно подошла к нему, ласково попеняв:

– Золотце, ты совершенно про нас забыл. Давай, мы хоть салаттики нарежем, да и праздновать можем начать. А то сидим тут, как чужие.

Глаза Светланы засветились безбрежной нежностью, обращенной на Перцевого.

– Конечно, сей момент, – приобняв ее за плечи, кивнул Андрей. Стекла его очков в тяжелой черной оправе таинственно блеснули.

Лавкин оказался невысоким мужчиной средних лет с приятным, но хитрющим лицом и лукавыми, чуть раскосыми глазами. Его звали Сашей, что абсолютно не шло ему. Его супруга, Галина, или Гала, как она сама представилась, была пухленькой дамочкой с невероятно тонкой при прочих внушительных габаритах талией и ярко-рыжими буйными кудрями. Глаза Галы полыхали серебристыми огоньками. Впечатление прибывшие производили очень даже приятное.

Мы пошли резать салаты и накрывать на стол. Я, разумеется, с готовностью присоединилась к дамам. Лучший способ наладить контакт, что мне еще из начального курса психологии известно, – трудовая деятельность.

– Мы ждем кого-то еще? – любопытствовала я, обратив внимание на мокнувшего под дождем Перцевого. Рядом стоял Пират, прижавшись к ноге Андрея всем своим черным поджарым и гибким телом.

– Ну да! У нас же сегодня великая гостья! – чуточку ехидно заявила Гала. – К нам должна приехать сама Анастасия Астраханцева!

– Сама? – недоуменно нахмурилась я.

– Да, сама, – кивнула Лавкина. – Она – заместитель директора нашего НИИ. Честно говоря, Тань, я не представляю, как Андрюше удалось уговорить ее почтить вниманием его скромный пикник. Этой даме место на великосветских раутах. Впрочем, ты сама увидишь.

Я улыбнулась, продолжая безжалостно кромсать огурцы, пахнущие свежестью и летом. Дождик в успокаивающе-неслышном ритме барабанил по крыше и деревянному крыльцу, на кухне было на удивление уютно. В общем, жизнь казалась прекрасной.

– А вот и она! – воскликнула Гала, вскинув голову.

Я неспешно подошла к окну и закурила. Во двор въезжала шикарная машина – темно-вишневая «Альфа Ромео», которых в Тарасове раз два и обчелся. Пират лаять не рисковал – видимо, чувствовал, что люди разные бывают, на некоторых можно погавкать, а с некоторыми от подобной вольности лучше поостеречься. И он отделялся незатейливым выражением радости от встречи – вилянием обрубком хвоста и ритуальными танцами перед машиной.

Автомобиль затормозил на поляне рядом с потрепанной, выдавшей вида «девяносто девятой» цвета мокрого асфальта Лавкиных. Первым из вишневой красавицы вышел мужчина – эффектный, высокий, темноволосый, в узких джинсах, обрисовывавших великолепные сильные ноги, и черной футболке, обнажавшей руки с буграми мышц. Он галантно распахнул дверцу, и из машины вышла – нет, скорее выскользнула или выплыла – умопомрачительная мадам.

Ей было никак не меньше тридцати пяти, но держалась она с легкостью девочки. Стройная фигура, на которой ловко сидели белоснежные фирменные джинсы, черные ботинки на литой подошве, облегающая высокую грудь черная же водолазка. Лицо с широкими скулами, вытянутыми к вискам глазами и роскошным пухлым ртом. Волосы были спрятаны под черной косынкой-банданой с изображением странных белых разводов, напоминавших кости.

В общем, дама была роскошной. Великолепной. Да, Анастасия Астраханцева умела произвести впечатление. Ее манеры не казались натяжкой, она была элегантна в каждом движении и прямо-таки величественна. Пожалуй, такой даме самое место в роли Первой Леди страны. Вообще-то, я не испытываю большой любви к собственному полу, но настоящие красота и достоинство всегда вызывают уважение к себе. И уважение это еще больше окрепло, когда после знакомства Анастасия присоединилась к нам – резать лук и добавлять майонез в салаты.

Ее спутника звали Германом. Герман Мародерский – оригинальное имя, не менее оригинальная фамилия, медово-янтарные глаза на вызывающе мужественном лице и шикарная

фигура – был прекрасным дополнением к такой женщине. Сродни мопсику, угнездившемуся на полусогнутом локте, или дамской сумочке на плече, или бриллиантовому колье, купленному за астрономическую сумму.

– Таня, а чем ты занимаешься? – демократичная Анастасия сразу же перешла на «ты», предложив то же самое при обращении к себе.

– Я... долго рассказывать, – ушла я от вопроса.

Понимание появилось в проникновенных прозрачно-карих, как крепко заваренный чай, глазах, и более приставать ко мне с глупыми вопросами Астраханцева не стала. Люблю общаться с умными людьми! Только... что, черт возьми, такая женщина делает здесь? А Гала не лишена наблюдательности, поняла я. Впрочем, меня все эти нюансы волновать не должны – я же здесь, чтобы хорошо провести время, пообщаться с приятными людьми и вообще разнообразить свою жизнь, а не чтобы вести наблюдения.

Наконец все салаты были готовы, картошка начищена, а мясо для шашлыков залито маринадом, и мы решили начать празднование. Уселись за большой стол в большой комнате.

Зажурчало красное вино, полившись в граненые стаканы. Так креативно, так по-русски пить кагор из совковой посуды! Но сегодня это казалось забавным, частью той игры, что окружала нас, – игры цивилизованных и достаточно состоятельных людей в жизнь на лоне природы. Шашлык, который скоро будет жариться под дождем, терпкий запах влажной древесины... Романтика! И мне эта романтика нравилась.

– Люди, мы с вами собрались здесь не для того, чтобы банально напиться, пусть даже в приятной компании! – А я и не заметила, как Перцевой поднялся со стаканом в руке, заполненным алой тягучей жидкостью. Начало тоста также оказалось креативным, сразу видно, у человека ко всему творческий подход. – Итак, мы собрались здесь, чтобы отметить завершение последней разработки нашей альма-матер. Выпьем же за умных людей! Нас так мало осталось...

А завершение тоста оказалось банальным, как семечки на деревенском крылечке, но все равно забавным. И мы выпили.

Вино горячей струей расплзлось по жилам, мешаясь с кровью и разливаясь приятным теплом по всему телу. Щеки у собравшихся зарозовели, глаза заблестели еще ярче, чем раньше. Все было так мило. Даже Сидоренко умудрился ниоткуда не упасть и ничего не свалить. В общем, блаженство.

Мы ели необычайно вкусные салаты, наслаждались неспешным общением, когда Перцевой заявил:

– Ну что? Как там говорят: между первой и второй... – и он снова разлил вино по стаканам.

– Теперь слово дается уважаемой госпоже Астраханцевой. Не просто руководителю наших стройных рядов, но и очаровательной женщине, – витиевато заявил Андрей, и глаза его разгорелись странным вдохновением.

Анастасия поднялась, гибкая и великолепно держащаяся. И ее хриловато-властный голос словно заставил комнату посветлеть:

– Поздравляю всех, господа, вы великолепно поработали. В общем, за вас!

И снова – тускловатый звон стаканов...

– А теперь я вынужден вас оставить, – по прошествии некоторого времени извинился Перцевой. – Шашлык – дело хозяина, и я бы хотел приготовить его. Развлекайтесь, не скучайте.

И Андрей выскочил за дверь. Вслед за ним, поспешно извинившись, вышла Светка. Может быть, желает пообщаться с любимым мужчиной наедине? А то, что Перцевой – объект Светкиных чувств, сразу чувствовалось.

Но нет, я ошиблась. Светлана, секретарша НИИ, вернулась довольно быстро.

Минут через пятнадцать я решила, что надо бы сделать перерывчик в чревоугодии, и встала из-за стола. Астраханцева, сидевшая рядом, улыбнулась лукаво и тоже поднялась, тихонько шепнув:

– Идем, провожу.

– Девочки, вы куда? Вы нас насовсем оставляете? – мужественным баритоном запротестовал Мародерский, и его медовые очи полыхнули, на миг поймав мой взгляд. А я ощутила странную, малообъяснимую дрожь в коленках.

– В самом деле! Ну по одной – еще куда ни шло, но чтобы целыми пачками... – поддакнул Лавкин, уже захмелев и потому, видимо, забыв о субординации, которой придерживался по отношению к Анастасии.

– Мы вернемся, без нас все не пейте, – хрипловато хохотнула Астраханцева.

А я неожиданно почувствовала себя неловко. Мне нечасто встречаются женщины, которые могут «переплюнуть» меня по чувству собственного достоинства и внешней привлекательности. Тут приходится признать: Астраханцева была на порядок выше Тани Ивановой. Но меня это не огорчило – наоборот, приятно было видеть человека, сочетающего в себе все мыслимые добродетели.

Мы с Анастасией вышли на задний двор и, поулыбавшись Перцевому, дошли до хлипкого строения, сквозь дощатые стены и крышу которого просвечивало серебристо-синеватое небо.

Андрей ловко сновал вокруг мангала, нанизывая на шампуры порции шашлыка. В углу его рта торчала уже потухшая забытая сигарета. Вокруг прыгал Пират, черный и ловкий, как змея. Я подошла к нему.

– Неужели ты один справишься со всем этим? – окинув взглядом тазик, наполненный кусками мяса, поинтересовалась я.

Перцевой сплюнул сигарету и рассмеялся:

– А что, ты хочешь мне помочь?

– Ну да, и ранить Светины чувства... – бросила пробный камень я.

– Да брось ты, мы же взрослые люди, – улыбнулся Перцевой. И поинтересовался: – Что же, Ванька, засранец, про тебя совершенно забыл?

Только тут я вспомнила о своем спутнике, благодаря которому на этот пикник и попала. В самом деле, чем же занимается Сидоренко? Кажется, он общался с Лавкиными. А может быть, и нет. Черт его знает! Когда Ванька не ломает и не крушит все вокруг, он становится человеком-невидимкой, несмотря на рыжие вихры волос и телосложение огромного кузнечика. Завидная способность. Она бы и мне не помешала, пожалуй.

– Я не жалею, – хмыкнула я.

Тут показалась Астраханцева, и мы пошли к дому. В спину нам вдруг ударил истошный лай Пирата. Я напряженно обернулась, так и ожидая толчка в спину мощного собачьего тела и впившихся в горло острых зубов. Но пес скакал у забора и буквально надрывался.

– А, чужого увидел, – замахиваясь топором и с силой втыкая его в бревно, пояснил Перцевой. – Он всегда облаивает чужих. Очень удобно, между прочим. Не каждый ползет. А вообще, Пират словно издевается над своей кличкой. Тихий и мирный, будто его матушка в свое время согрешила с болонкой.

Как только Андрей подбросил несколько деревяшек в мангал, огонь тут же накинулся на свежую пищу и захрустел влажноватой древесиной, отплевываясь искорками. Оглянувшись на взметнувшееся пламя, мы выслушали эту немного странную характеристику собаке и продолжили путь к дому, чувствуя прохладу дождевых капель на плечах. Нам навстречу попала Гала в сопровождении своего хитроглазого супруга, которая спешила в ту сторону, откуда шли мы.

В домике нас ожидала забавная картина. Светка с независимым видом сидела на подоконнике, смоля тонкую сигарету. Мародерский смущенно стирал со щеки помаду цвета фук-

сии – Галиного оттенка, между прочим. А пунцово-красный Сидоренко, тип достаточно стеснительный, меланхолично жевал веточку укропа.

– Стоит на пять минут выйти... – поймав мой взгляд, философски хмыкнула Анастасия, – и тут начнется...

– Это точно, – рассмеялась я. Мы переглянулись с видом заговорщиц и уселись к столу.

– Ну и что мы сидим? – задумчиво поинтересовалась Астраханцева. – Мужчины, где наши горячительные напитки?

– Почему девушки должны изнывать от жажды? – подключилась я.

– Да-да, Герман, Иван, ну что же вы!

Парни тут же засуетились, разливая вино по стаканам. Светка подхватила свой и Андрея и понеслась к нему, устремляясь на аромат жарящегося мяса, словно пчелка на мед.

Вернулась она, когда мы выпили свое вино, обставив свое появление торжественно. Кокетливо покачивая бедрами, она трепетно несла в вытянутых руках блюдо с насаженными на шампур кусочками мяса, кружками лука и помидоров.

– Первая партия, угощайтесь, гости дорогие! – провозгласила она, а мы поспешно освободили центр стола. – Хозяин заявил, что не вернется, пока не пожарит все! – добавила Светлана, плюхаясь на стул и залпом выпивая бокал томатного сока.

Мы к этому заявлению отнеслись на удивление философски. В самом деле, зачем нам хозяин, когда есть все, что душе угодно: салаты, вино, а теперь еще и дымящееся, с поджаристой корочкой мясо. А из недр холодильника при помощи ловких рук супругов Лавкиных появились запотевшие бутылки водки, которые они водрузили вокруг блюда с шашлыком, как стражей, охраняющих крепость.

Водку разлили по стаканам, и мы выпили, причем после первой рюмки я ощутила в голове тонкий звон, словно кто-то сдвинул хрустальные бокалы. Мародерский начал мне интенсивно подмигивать. Бандана сбилась с головы Астраханцевой, и ее каштановые вьющиеся волосы, оказавшись на свободе, обхватили плечи женщины. Гала Лавкина отчаянно строила глазки Герману Мародерскому, кокетливо прикрыв губки стаканом с апельсиновым соком. Саша, Лавкин-супруг, попеременно заигрывал то со мной, то с Анастасией. Меланхоличный Сидоренко откинулся на спинку стула и задумчиво жевал шашлык.

Светка курила, сидя у окна в привычной позе, задумчиво взирала на полянку, уставленную машинами.

Время текло неспешной рекой, стало темнеть, и мы включили свет. Попеременно покидали комнату, потом возвращались. Казалось, так и будет длиться вечно – мирное распитие алкогольных напитков, поедание сочного шашлыка с хрустящей корочкой, стрекот мелких дождевых капель по крыше. Вечно – или пока мы не решим разъехаться по домам.

Я завела с Германом Мародерским интеллектуальную беседу, стараясь не утонуть в его золотистых глазах и периодически напоминая себе, что он – мужчина Астраханцевой, которая мне глубоко симпатична. Поэтому приходилось с сожалением пресекать попытки обаятельного Германа водрузить руку мне на колено или на плечи.

Мне было хорошо – сыто, уютно, забавно, и я, честно говоря, мало что замечала вокруг. И совершенно игнорировала несчастного Сидоренко, который долго сидел за столом с обиженным видом и иногда посматривал на меня, воображая, что его взгляды убийственны. Я даже не заметила, когда он вышел. И вдруг Ванька влетел в комнату вместе с потоком влажно-холодного воздуха, резко распахнув дверь, ведущую на задний дворик.

– Там... там... кровь! – лепетал Сидоренко, планомерно белея от кончика носа выше и ниже. И на щеках четко проявилась россыпь веснушек, словно кто-то озорно брызнул краской из баллончика.

– Ванечка, так пить нельзя! – шутливо посетовала я, с неохотой отрывая взгляд от чувственных губ Германа.

– Бэлый, бэлый, савсэм гарачий! – мастерски скопировал фразу из гайдаевской комедии Мародерский, и глаза его вновь полыхнули янтарным огнем.

– Ему больше не наливать! – в один голос воскликнули Лавкины.

И тут я удосужилась опустить глаза на некрашенный пол. Буроватые пятна на нем сказали все значительно яснее, чем слова Ваньки. Разбавленные дождем, они стекали с ботинок Сидоренко. И руки его тоже были заляпаны красным, будто Ванька по недомыслию окунул руки в кетчуп. Или в кровь...

– Сядь, выпей, – приказала я, вскочив и чуть не силой усадив приятеля на стул. Налила ему полстакана водки, не дожидаясь помощи мужского пола. Сунула в руку маринованный огурец. Сидоренко покорно выпил, отдышался, хрустнул огурчиком. На меня все смотрели как-то странно. Будто на сумасшедшую.

– Теперь рассказывай, что ты увидел, – властно потребовала я.

– Так, не наливать уже двоим, – пьяно хихикнула Гала. – Что-то у нас массовое сумасшествие.

– Вроде бы и закуски много, – поддержал «прекрасную половину» Сашка, заговорщицки глядя на меня, словно одолжил мне пару сотен баксов и теперь намекает на их возвращение древним, истинно женским способом.

– Нет, подождите, – взмахнула узкой холеной рукой Анастасия и коснулась пальцами моего локтя. – В самом деле, что случилось?

Ее слова подействовали на гостей не хуже холодного душа, и все в ожидании уставились на Сидоренко. Тот похлопал голубыми глазами, потихоньку принимая нормальную окраску, провел рукой по волосам, закурил и сбросил столбик пепла в освободившуюся салатницу с остатками майонеза и перышками лука на стенках. После чего заговорил, вспомнив о том, что он ученый и к жизни должен относиться соответственно:

– Случилось что-то страшное. На заднем дворе лежит Пират... вокруг него лужа крови. И... короче, Андрея нигде нет. А рядом топор весь в крови. Шашлыки уже в угли превратились. Вот и все.

Да, действительно, вот и все. И если это не бредовая фантазия одурманенного алкоголем Ваньки, то вечеринка принимает чересчур зловещий оборот. В духе так почитаемого современностью Стивена Кинга.

– Сегодня первое апреля? – как-то жалобно и тускло обратилась к собравшимся Галина. Даже волосы ее неожиданно потускнели.

– Таким шуткам не время и не место! – рявкнул Мародерский, в янтарных глазах которого отразилось ужасное предположение. А я поднялась, стремясь помешать разрастанию всеобщего маразма, и вышла на задний двор.

Собака и впрямь лежала в луже крови. И при взгляде на нее становилось плохо, а шашлыку явно захотелось выпрыгнуть из желудка. Но я достаточно насмотрелась подобных зрелищ за время работы частным детективом и теперь сумела удержать себя в руках, а шашлык в желудке. На это, правда, потребовалось немалое усилие воли. Я сразу же протрезвела, звон в голове, как и дурман от общества Мародерского, разом улетучились. Топор в кровавой лужице выглядел... не сказать чтобы страшно, скорее, как-то странно. Бедняга Пират лежал рядом, уже окостеневший. Его недавно подвижное тело замерло навечно, приняв до странности угодливую позу, словно несчастное животное о чем-то молило повергшую его руку.

Тут же во мне включился профессионализм, выработавшийся за годы работы. Так, если снаружи никто пройти не мог, значит, убийца среди нас. Поручиться я могу только за двоих – за себя и Сидоренко. Ванька не способен на убийство, его тошнит от одного вида или запаха крови. Ну а я занимаюсь расследованиями и к киллерскому ремеслу равнодушна. Потому что если кого-то убью, придется расследовать собственное преступление и наказывать саму себя.

Да-а, замечательно вечер закончился. Шашлыки, водочка труп и... Стоп, труп собаки здесь есть, это ладно. Но где же тело Перцевого? Или он сам, если жив?

– Не подходить! – боковым зрением уловив шаги, рывкнула я, и Мародерский испуганно отпрыгнул в сторону. – Звоните в милицию, это в любом случае странное дело, – заявила я, приняв на себя командование ситуацией. И пробежалась взглядом по лицам компании, тоже вышедшей из домика. Такие разные лица. Растерянное – у Сидоренко, напряженные – у Могилевского и Лавкина, напуганное – у Галы. Только Астраханцева была невозмутима, подобно статуе. Светка явно еще не сообразила, как реагировать и что думать, но в озорных ее глазах уже скапливались слезинки. И я – командующий этой странной армией, единственный трезвомыслящий и знающий, что делать, человек.

Герман среагировал первым. Выудив из кармана мобильник, он настучал номер и отпортовал напряженным, звенящим голосом:

– Произошло убийство. Исчез человек. Адрес...

Я удовлетворенно кивнула и заявила:

– В доме ничего не трогать. Идемте в комнату, пусть милиция разбирается.

Все последовали моему совету, прозвучавшему в форме приказа. Только Анастасия Астраханцева, задержавшись, поинтересовалась приглушенным голосом:

– Откуда такая уверенность в себе и способность справиться с ситуацией?

Ну надо же, а она сохраняет хладнокровие! Впрочем, я ведь тоже его сохраняю, так что это еще не повод подозревать ее. Хотя... Неужели я начала кого-то подозревать? Включился рефлекс – расследовать преступление, особенно когда оно произошло у тебя под самым носом.

Я пожалала плечами, оставив вопрос без ответа.

– Мы найдем Андрея в живых? – спросила Астраханцева.

– Мы, – выделив это первое слово, четко и максимально доходчиво откликнулась я, – мы не будем искать Перцевого. Вдруг он мертв? – а я подозревала именно это. Слишком уж много крови там, где лежала собака. – Иначе мы можем затоптать следы, которые помогут милиции раскрыть дело. Как только приедет милиция, они обыщут дом. Вынести тело отсюда не могли, скорее всего. Но даже если и так – ничего уже не сделаешь.

Анастасия задумалась, выудила из кармана сигарету и чиркнула зажигалкой. Спohватившись, предложила сигарету и мне, и мы закурили, философски глядя друг на друга.

В комнате все на первый взгляд оставалось по-прежнему: стол с остатками пиршества, батарея бутылок на деревянной некрашеной столешнице, строй опустевшей тары под подоконником. Только люди вели себя странно для празднования. Светка рыдала, прижавшись к плечу всегда готового поддержать и выказать сострадание Сидоренко. Ванька ритмично поглаживал ее волосы. Супруги Лавкины о чем-то общались с Мародерским, оба взмахивая руками, а Галя еще и медно-рыжими волосами.

– А ведь его убил кто-то из нас... – кивнув в сторону двери, ведущей на задний двор, приглушенно произнесла сокраментальную фразу Анастасия, и я поразила ее пронизательности. – Только кто? Таня, как вы считаете?

– Никак, – отрезала я. – Я никак не считаю. У меня нет на это полномочий.

– В самом деле, вы же нас всех видите впервые в жизни, – не желала заткнуться Настя. Ее глаза холодновато-отрешенно блестели. – Только с Сидоренко знакомы давно, насколько я поняла. Но он – тип совершенно безопасный. Очаровательный человек, ученый до мозга костей, совершенно неприспособленный к жизни.

Я не поняла, к чему была эта ее последняя глубокомысленная сентенция. Да и не желала понимать, если честно. В голове образовался тугой комок безразличия. Отдохнула, называется. Ох, не стоило приезжать сюда... Да что толку сейчас-то об этом думать. Раньше надо было.

Наконец за окнами раздался визг тормозов, и мы всей толпой вышли встречать сотрудников органов правопорядка.

– Вызов от вас поступал? – осведомился один из мужчин в форме, морщась и шурясь в попытке защитить глаза от вездесущих дождевых капель. А я пристально рассматривала лица – на всех было написано безразличие и тусклая обреченность. И на каждом легко читалось: в такой вечер люди дома с женами сидят, горячий чай пьют, а нам тут на вызов надо ехать. Ни одной знакомой физиономии среди милицейской группы не было, хотя у меня немало приятелей и знакомых в милицейских отделениях Тарасова. Я же в прокуратуре работала некоторое время, да и потом, уже в качестве частного детектива, со многими приходилось общаться.

– Поступал, – четко отрапортовала я, среагировав до того, как кто-то из компании начал бы забрасывать мента словами. – Идемте.

Увидев внушительную батарею бутылок, менты понимающе перемигнулись: мол, ясно как день, кто-то кого-то порешил по пьяному делу. Банально, яйца выеденного не стоит.

Но при виде мертвой собаки их физиономии приняли совершенно иное выражение, которое один из них, с лейтенантскими звездочками на форме, озвучил:

– Из-за этого нас вызывали? В конце концов, убийство собаки – не уголовное дело. Знаете, сколько их ночами перебивают? – возмутился мент, и два его товарища согласно закивали. – Вам надо было «зеленых» вызывать, а не нас. За ложный вызов придется заплатить штраф.

– Собака убита топором, – невинно заметила я, ощущая на спине чье-то горячее дыхание и три пары глаз, сверлящих затылок.

Мент нахмурился.

– Никто из нас этого не делал, – вкрадчиво добавила я, прикинув про себя: «Или кто-то сделал, но точно не сознается».

– Ну и какая разница? – буркнул милиционер, все еще не «въезжая» в ситуацию.

Я чуть ли не услышала, как он подумал: «Компашка напилась на даче, решила поколбродить, а для количества пригласить милицию. Если нальют – штраф брать не будем. Если же нет – расплатитесь сполна, товарищи».

– И еще у нас исчез хозяин дома, Андрей Перцевой, – тихонечко и ласково прошептала я, опустив глаза.

– Упился и свалился под стол, спит где-нибудь, – лаконично предположил милиционер.

– Поищите, пожалуйста. Мы обязательно заплатим штраф, если найдете, – предложила я.

Что мне тогда пришлось услышать! Что я имею наглость издеваться над бравыми работниками органов правопорядка, что вообще, таких распутившихся людей надо искоренять, что на меня можно подать в суд за оскорбление достоинства и прав личности... Ну, и тому подобное.

Господи, этих ментов не разберешь. То они готовы вцепиться в случайное совпадение, то отказываются верить очевидному. Или почти очевидному.

– Ну, пошли, – скомандовал наконец лейтенант, кивнув подручным. – Поищем их Перцевого, или как его там.

И началось... Один из ментов, оказавшийся экспертом, решил-таки осмотреть труп собаки. Он производил какие-то положенные пробы, насыпая в лужицы крови порошки и вливая жидкости. Двое других обшаривали дом, едва не простукивая стены. Осматривали территорию за и перед домом. Проверили машины присутствующих, попросил всех и каждого открыть их багажники.

В конце концов к милиционерам, в тот момент, когда они с глубокомысленным видом разглядывали пачки печенья и банки консервов на кухне, подошел лейтенант и прошептал им что-то. И тут защитники правопорядка соизволили снизойти до нас. Прозвучал приказ:

– Всем сидеть в комнате!

Лейтенант пояснил:

– Рядом с кровью собаки обнаружена человеческая. Кто первым увидел убитого пса?

– Я, – неловко выступил вперед Сидоренко. И тут же поскользнулся на лужице воды, грохнулся, задрал ноги, и сшиб лейтенанта.

Тот, оказавшись на полу, выругался нехорошими словами. Эксперт не спешил помочь товарищу встать. Он с интересом разглядывал подошвы Ванькиных ботинок.

Наконец мы общими усилиями водрузили Сидоренко на ноги. Он залился краской по самые уши – рыжие вообще невероятно быстро краснеют. Поднявшийся с пола мент посмотрел на моего приятеля с откровенной ненавистью, и я вдруг поняла – он сделает все, что будет в его силах, чтобы засадить Ваньку за решетку. Пусть даже за убийство собаки, это неважно. И еще осознала, что вряд ли позволю так издеваться над талантливейшим ученым и просто хорошим человеком.

Мы все переместились в большую комнату и примолкли, прислушиваясь к шороху дождя, словно пытались прочесть в перестуке водяных струй ответ на волновавший каждого – ну, или почти каждого – вопрос: где же Андрей Перцевой?

В моей голове роилась туча вопросов – профессионализм давал о себе знать. Да и ненавидящие взгляды, изредка бросаемые ментом в сторону рыжего и несчастного Ваньки Сидоренко, действовали на меня никак не расслабляюще.

Убить Перцевого, если тот убит, мог каждый из нас. На удар топором не нужно много времени. Да и звук его, если бить сильно и точно, не будет слишком громким. Вот только куда дели труп, если Андрея в самом деле убили? А все свидетельствовало за столь трагическую версию. Точнее, не все – пока только человеческая кровь на земле и отсутствие живого Перцевого. Собака не выла. Значит ли это, что ее убили первой? Или мы просто не слышали воя или лая? Даже я была увлечена общением настолько, что не замечала окружающего.

Из комнаты выходил каждый – кто на минуту, кто на пять, кто на десять. Еще все периодически поднимались на второй этаж – за оставленными там продуктами и выпивкой или чтобы посидеть в спокойной обстановке. Или, или... В общем, сейчас вряд ли удастся выяснить, кто последним видел Андрея в живых. Пьяные люди – плохие свидетели. А ученые к тому же отличаются неразвитой наблюдательностью, когда дело касается бытовых деталей или проблем.

Да уж, труп добермана по кличке Пират – всего-навсего бытовая проблема. Господи, ну псину-то за что? Пусть бы лаяла себе...

Впрочем, нет, напротив. Ход совершенно верный. Пират, наверное, был предан хозяину. А если нападают на хозяина, даже трусливая собачонка, не то что шикарный сильный доберман, бросается защищать близкого человека. Значит, Пират мешал убийце.

Только кто он, убийца?

Анастасия Астраханцева? Я бросила взгляд в ее сторону – дама сидела на стуле, скрестив обтянутые белыми джинсами ноги, и курила с надменным видом. Глаза ее потускнели, словно Настя устала от всей этой суеты и жалела, что оказалась на «пикнике». А в самом деле, почему она здесь оказалась?

Я подобралась к сидевшему очень тихо, погруженному в себя Сидоренко и поинтересовалась:

– Вань, а Астраханцева – большая шишка?

– Ну да, – даже не удивившись вопросу, ответил он. Почесал переносицу и добавил: – Выше ее для нас только ректор НИИ, а дальше – сам господь бог. Астраханцева – заместитель директора.

И Сидоренко вновь устался в никуда, тоскливо поглядывая на свои длинные неуклюжие ноги и прощаясь со свободой.

Итак, «шишка» невесть зачем принимает участие в попойке подчиненных, причем ведет себя максимально демократично.

Если мне не изменяет память, Гала высказывала свое удивление от такого загадочного визита – не могла понять, что же Астраханцевой здесь делать. Значит, Настя вовсе не завсегда-тай вечеринок, устраиваемых подчиненными. К чему мы и пришли. Отчего-то Астраханцева появилась именно сегодня, именно на этом пикнике, и именно сегодня зарублена собака, пропал Перцевой... Совпадение? Да нет, вряд ли. Хотя все в мире возможно, а при хладнокровии, проявленном Анастасией, убийство совершить для нее – раз плюнуть.

Далее. Светка, которая выла и что-то вещала про замужество. Но Перцевой явно к браку не стремился – по его поведению это было более чем заметно. Месть ревнивой особы? Тоже может быть. Тем более секретарша Светлана выходила «подышать свежим воздухом» чаще, чем кто бы то ни было.

Господа Лавкины? Сашка, похоже, может убить и собственную мать. Вот только с поводом сложнее. Хотя... Чем черт не шутит.

Короче говоря, убить мог кто угодно. Махнуть топором ума много не надо. Или, напротив, надо? Чтобы сделать все именно так – подозрения расплывчатые, и подтвердить их практически невозможно?

Менты наконец завершили осмотр дома. Труп не обнаружили. Пообщались с нами, обозвав беседу «предварительным дознанием», ничего особенного не выяснили, хотя и изолировали каждого от всех остальных – чтобы мы не придумали общей версии происшедшего. Между прочим, товарищи менты обнаружили под телом несчастного Пирата полураздавленные очки Перцевого. И демонстрировали их, уложенные в целлофановый пакет, каждому из нас. Когда я увидела очки в черной поломанной оправе и со звездчатыми трещинами на стекле, как от удара, мне снова стало не слишком хорошо. На прозрачных стеклах красовались бурые пятна. И я еще больше поверила в окончательную и бесповоротную смерть бедняги Андрэ. После чего лейтенант, отчаянно пытавшийся придать своей физиономии вселенскую скорбь, заявил:

– Молодой человек... товарищ Сидоренко, мы вынуждены задержать вас до выяснения обстоятельств этого странного дела.

– Но... почему? – поинтересовался Иван, испуганно хлопая синими глазами.

«Потому что ты, дорогой, рыжий и неуклюжий в самые неподходящие моменты, и еще ты умудрился сбить товарища лейтенанта с ног, чего он тебе не простит», – мысленно пояснила я, но вслух высказываться не стала – не стоит дразнить гусей.

– Вы обнаружили труп собаки, на вашей рубашке и подошвах ботинок кровь, и только экспертиза покажет, принадлежат ли кровавые пятна человеку или животному, – снисходительно разъяснил мент.

Высказавшись таким образом, он кивнул сотрудникам:

– В машину его.

После чего лейтенант счел возможным обратиться к нам:

– Вы же можете быть свободны. Если понадобится, мы вас вызовем повесткой. Адреса всех у меня записаны.

Я вздохнула с облегчением – тяжелый день, кажется, закончился.

– Танюш, поезжай на моей машине, – предложил Сидоренко с фальшивой бодростью, тщетно пытаясь придать своему лицу нормальное, не кислое выражение.

Я кивнула – ну неужели пешком пойду? И грустно улыбнулась. Сегодня я для Ваньки ничего сделать не успею – пока люди в форме бродили по домику, стрелки на часах не стояли на месте. Мрак за окнами сгустился, легкая непогода переросла в дождь, близкий к ливневому масштабу, и тугие струи гулко бились в корпуса машин. Времени много – десятый час вечера.

О черт, как же мы поедем – ведь менты знают, что пили все.

Посоветовавшись, мы нашли выход из ситуации – сообщили представителям правопорядка, что остаемся ночевать здесь. А когда их машина удалилась, хлопая по лужам, мы нако-

нец получили возможность уехать. Только Светка, ревящая, как белуга, даже не могла достать из кармана ключи от машины.

– Свет, может, составишь мне компанию? – решив, что с Ванькиной развалюхой ничего тут не случится, предложила я. – Точнее, не совсем так, – в ответ на удивленный взгляд девушки пояснила я. – Давай поедem на твоей машине, а то мне страшновато снова на раздолбанную Ванькину садиться.

Девушка бледно улыбнулась одними губами и наконец вытащила ключи, прошептав:

– Только вести придется тебе, я руль не удержу.

– Хорошо, – кивнула я.

Скоро по трассе неслись три машины – сиреневый «Опель», вишневая «Альфа Ромео» и темная «девятка» Лавкиных.

Вести «Опель» было чертовски приятно – удивительно мягкий ход, руль слушается легкого касания. Но я все равно ни на что не променяю свою бежевую «девятчку», даже на самую навороченную иномарку. Во-первых, «девятка», да еще и бежевая, не бросается в глаза, что при моей профессии немаловажно. Во-вторых, мы с ней уже просто сроднились.

Глава 2

Утро встретило меня дикой головной болью и непрекращающимся дождем в смеси с жестокими грозowymi раскатами, еще более усугублявшими мигрень. С трудом оторвав голову от подушки, я потерла виски пальцами и поежилась – в форточку, закрыть которую я вчера не позаботилась, вливался холодный уличный воздух. Хотелось уткнуться в подушку, завернуться в одеяло и снова заснуть. Но я себе этого не позволила – надо вызволять из тюрьмы Сидоренко. В конце концов, невезучесть моего друга в любой ситуации до добра не доведет, а СИЗО – не лучшее место для проявления его невезучести. Там периодически встречаются личности, которых хлебом не корми – дай поиздеваться над «ботаником». Замечательным примером именно этой категории и является злополучный Ванька. Хорошо, если он до сих пор в порядке.

Усилим воли заставив себя подняться, я поплелась в душ, бормоча под нос фразу из хрестоматийно-новогоднего фильма:

– Пить надо меньше, надо меньше пить...

Только не прыгала на месте, как герой того фильма.

Пью я сравнительно редко, поэтому к похмельному синдрому не привыкла, и он меня ужасно тяготил.

Я постояла несколько минут под ледяным душем, и это подарило мне хоть какие-то крохи бодрости и готовности к трудовым свершениям. Растерлась полотенцем, закуталась в халат и побрела варить утренний кофе.

Пока ароматный, мой самый любимый напиток набухал коричневатой-белесовой пенкой, я выпила стаканчик холодного апельсинового сока, что меня несколько приободрило, и выудила из пачки одну-единственную, последнюю сигарету. Даже если бы ничего не нужно было предпринимать в связи с Ванькиным задержанием, на улицу все равно высунуться пришлось бы – без сигарет мне не жизнь. Но ох как не хочется никуда идти! А ведь надо еще и машину Сидоренкину забрать с дачи. Впрочем, машина подождет, сначала вопрос с ним самим разрулить следует.

Выпив кофе, я почувствовала себя значительно лучше. Головная боль не сказать чтобы ушла совсем, просто отдалилась за грань сознания и не слишком тревожила, не мешала думать. А подумать было о чем – как вытащить Ваньку из СИЗО?

Не выпуская из рук огромной кружки, по самые края заполненной свежей порцией кофе – куда кофеманке без этого божественного напитка! – я подошла к телефону и набрала номер.

– Следственный отдел... – слова из мембраны словно впились в мой мозг тысячей раскаленных иголок, возобновив тупую пульсацию в висках, – усиленный связью голос дежурного оказался слишком высоким для моего нежного черепа.

– Подполковника Кириянова позовите, пожалуйста, – попросила я, поморщившись, и отпила еще немного кофе. Напиток божественным ароматным теплом разлился по языку, немного сняв ощущение сухости.

– А кто его спрашивает?

– Иванова, – злясь на дотошного дежурного и на себя за этот гнев, рявкнула я.

В трубке послышалось шипение, сквозь которое внезапно прорезался голос:

– Танюха, это в самом деле ты?

– Нет, гидра трехголовая, – туповато пошутила я.

– Что с тобой случилось? – озаботился Киря.

Вообще-то его зовут Владимиром, и он, надо сказать, мой давний приятель и помощник. А звание подполковника Кириянов получил отчасти и благодаря мне – мы с ним действуем на благо друг друга. Владимир делится нужной мне информацией, я с ним – преступниками, которых вычисляю.

– Танюш, ты болеешь? – не отставал Киря, пока я пыталась справиться с тошнотой.

– Нет, у меня похмелье, – огрызнулась я, но быстренько сменила тон – не дай бог, Киря обидится, что мне тогда с несчастным Сидоренко делать? – Володь, мне твоя помощь нужна.

– Ага, внимательно слушаю.

– Узнай, пожалуйста, об убийстве собаки на даче некоего Перцевого и об исчезновении хозяина этой дачи, – попросила я и назвала фамилию следователя, добавив: – Я к тебе заеду через полчаса, устроит?

– Да, Танюш, ладно, – вздохнул Кирьянов.

Он, вообще-то, тип очень мудрый и никогда со мной не спорит по пустякам. Тем более сегодня спорить просто опасно – женщина, страдающая от тяжелого похмелья, хуже пары тройки злобных фурий.

Получаса мне как раз хватило на то, чтобы натянуть джинсы, подкраситься, причесаться и выйти из квартиры.

Поеживаясь под струями дождя, я добежала до своей машины и уселась в теплый салон. Дождь нахально заливал лобовое стекло, размывая очертания предметов, и пришлось включить «дворники». Терпеть не могу, когда что-то елозит перед глазами, но куда деваться? В ливень обзор ужасный, не хватало еще, чтобы залитое водой стекло прослужило причиной аварии.

Я быстро добралась до Кириноного отделения, оставила машину на стоянке, поставив на сигнализацию, и ворвалась в прохладный, но сухой холл. Представившись дежурному, мальчишке с высоким голосом и бритой головой, прошла к кабинету подполковника Кирьянова.

Владимир меня уже ждал. При моем появлении он поднялся и разулыбался:

– Здравствуй, Танюш, давно не виделись. Как похмелье, прошло?

– Более-менее, – кивнула я, присела на стул и предложила: – Ну, рассказывай.

– Дело ясное, что дело темное, – откликнулся Кирьянов. Усмехнулся в ответ на мой недоуменный взгляд и сообщил: – Танюш, убили собаку. Черного добермана.

– Об этом я и сама знаю.

– Ты там была, что ли?

– Ну да, приятель пригласил, – пожала я плечами. – Рассказывай по существу, очень прошу.

– Тогда так... Рядом с кровью животного обнаружена и человеческая. Причем группа проявила оперативность, и эксперт проанализировал образцы крови. Все параметры полностью совпадали с принадлежавшими Андрею Перцевому – его данные почерпнули из медицинской карточки. Когда это выяснилось, дачу Андрея обыскивали еще раз, уже сегодня утром. Машину Сидоренко пригнали на платную стоянку для штрафников. Труп Перцевого не обнаружили, как и его самого. Имеется в виду живого. То есть человек был, жарил шашлык, заигрывал с девушками – и пропал бесследно, растворившись в туманно-дождливом вечере. Мистика, да и только! В мистику я не верю, сама знаешь. Но трупа не нашли. Пока.

– Думаю, найдут. Поляков, – назвал Киря фамилию того лейтенанта, которого Ванька вчера свалил на пол, – уверен в убийстве. То есть почти уверен и уже начал проверку подозреваемых. И тебя достанет, по всей вероятности. Я не стал про тебя ничего говорить, но если хочешь...

Я отрицательно помотала головой. Во-первых, еще вилами на воде написано, что возьмусь ли я за расследование. Во-вторых, даже если возьмусь – излишняя популярность может мне помешать.

– А Сидоренко? Все сидит? – поинтересовалась я.

– Да, Поляков на него злится. Не подскажешь, почему?

– Ванька – страшно неуклюжий тип и умудрился твоего Полякова уронить на пол, – улыбнулась я насмешливо и, закинув ногу на ногу, закурила.

Кириянов хмыкнул и с налетом трагичности в голосе заявил:

– Лучше бы он и в самом деле зарубил этого Перцевого, меньше проблем оказалось бы. Поляков – дико мстительный тип. Он не прощает издевательств над достоинством своей драгоценной личности.

– Значит, Сидоренко вытащить сейчас из СИЗО не удастся?

– Ну почему же? Могу походатайствовать, – утешил меня Киря. – Я смотрел дело – доказательств маловато, да и трупа нет. Только пусть твой Сидоренко ведет себя ниже травы, тише воды. Иначе нарвется.

– Значит, сможешь? – улыбнулась я, не сомневаясь в положительном ответе.

Владимир не заставил меня ждать:

– Разумеется, сейчас договорюсь. Пропуск тебе выпишут, сама и заберешь своего парня.

– Ну, положим, он не мой парень, а просто приятель. Ладно, Киря, с меня пиво.

– Угу... – набирая телефон и уже забыв о моем присутствии, машинально хмыкнул Владимир.

Попрощавшись с ним, я вышла из кабинета и спустилась к машине. Поеду, заберу беднягу. Надеюсь, он не слишком намаялся в камере за эту ночь.

* * *

– Таня, ты! – рванулся к зарешеченной двери Сидоренко, едва меня увидел. Я кивнула и огляделась, пока охранник, сопровождавший меня до камеры предварительного содержания, открывал дверь.

Не сказать, чтобы здесь было очень уютно, если честно. В маленькую, метра два на два, камеру было набито человек пять-шесть народу, и физиономии личностей доверия не внушали. А на меня они вообще так посмотрели... Но реплик бросать не стали: каменная рожа охранника действовала на них в качестве холодного душа.

Сидоренко был нешуточно потрепан. Джинсы походили на половую тряпку, правда, с бирочкой крутой фирмы. На лице красовалось багрово-синее пятно, оставленное чьим-то резвым кулаком. Волосы всклокочены, а на щеках – поросль рыжеватой щетины. В глазах – паника и злость.

– Меня что, отпускают? – с надеждой поинтересовался Сидоренко. – Танюш, правда?

– Ну да, только дашь подписку о невыезде, – обрадовала его я. – Вань, ты в порядке?

– Н-ну... в душ очень хочется, – не стал кокетничать Сидоренко.

Я улыбнулась – в самом деле, в душе побывать ему не повредит.

Наконец все формальности были успешно завершены, и мы вышли к моей «девятке».

– А где моя машина?

– Неподалеку, на штрафной стоянке. Ты хочешь ее забрать?

– Нет, – мотнул головой Сидоренко, поглаживая волосы, словно пытаюсь привести шевелюру в порядок. Руки его заметно дрожали, выдавая охватившее парня нервное напряжение. – Я вряд ли сейчас смогу вести машину. Подбросишь?

– Само собой, – я распахнула дверцу своей «девятки» и предложила Ваньке садиться.

Он плюхнулся на сиденье, едва не запутавшись в собственных ногах, я заняла свое место, и мы поехали.

– Танечка, от меня ведь не отцепятся, – помолчав, трагично заявил Сидоренко. – Этот следователь на меня так взъелся! Слышала бы ты, как он меня допрашивал – того и гляди по физиономии надает. Ни одному слову не верил! Постоянно порывался унижить. И эта жуткая камера...

– Верю, – кивнула я, ободряюще улыбаясь. – Само собой, ты же его вчера сбил, как вражеский самолет. Вот он и бесится.

– И что мне теперь делать?

Вопрос прозвучал риторически. Ванька задумался, пытаясь отыскать в своем ученом мозгу ответ на него. Я тоже молчала, следя за дорогой и злясь на ритмичные движения «дворников» по стеклу. В крышу машины барабанили крупные дождевые капли, словно ударник на дискотеке. Все вокруг было затянуто дождевой прозрачно-серой пеленой. Деревья казались тусклыми, будто в тумане, листья угрюмо свисали вниз. Птицы, которым такая погода тоже явно не доставляла радости, нахохлившись, сидели на ветках, не решаясь спрыгнуть вниз и позавтракать. Видно, боялись утонуть.

Небо, затянутое свинцово-сизыми тучами, клонилось к земле, словно жажда раздавить все, на ней находящееся. Мрачноватая погода, прямо для готической сказочки, не меньше. В такой ливень хочется сидеть дома, желательно – перед ярко пылающим камином, пить крепкий кофе, курить сигару, вяло покачиваясь в кресле-качалке, и поесть что-то вроде «коньяка в шоколаде» или пирожных.

Машин на дорогах практически не было. Видно, немного найдется идиотов, желающих раскатывать по городу в подобную весеннюю погоду. Я вела свою «девяточку» совершенно спокойно, не боясь чьего-то неосторожного обгона. И думала о том, что, наверное, не смогу оставить эту загадку нераскрытой. На милицию в таком деле надежды мало – убийства случаются нередко, зато раскрываются значительно реже. Но мне и самой интересно, куда мог деться труп и кому понадобилось убивать Перцевого?

Перед мысленным взором встало лукаво-интеллигентное лицо Андрея с кошачьими глазами, полускрытыми очками в слишком толстой черной оправе. И вспоминалось, как доберман, гибкий и черный, жался к ноге хозяина и преданно заглядывал ему в глаза.

Нет, не буду заниматься этим делом, благотворительность – не моя стезя! – приказала я себе мысленно и тут же обратилась к Сидоренко:

– Вань, а какие отношения были у Астраханцевой и Перцевого? Как он мог затопить ее на вашу вечеринку?

Вырванный из плена своих мыслей, судя по выражению лица невеселых, Сидоренко задумчиво ответил:

– Танечка, я понятия не имею. По-моему, они очень давно общались. Встречались, может, даже любовниками были. Года два назад, наверное. Вот и все. А так... Сама знаешь, я не слишком интересуюсь людьми. Вот работа...

– Кстати, как называется ваше НИИ? Чем оно занимается? Что за проект мы отмечали вчера? – не знаю, могут ли мне пригодиться такие сведения, но лучше хоть что-то, чем совершенная пустота в сознании.

– НИИ ЭКТ, – непонятно, словно на другом, незнакомом мне языке, например, на турецком, ответил на вопрос Сидоренко. Но тут же расшифровал, уловив удивление в моих глазах: – Электроники и компьютерных технологий. Мы разрабатываем программы, «железо» и навороты для оргтехники. Поэтому нами и заинтересовалась фирма «Морок», московские производители компьютеров. Они нас спонсируют, за что, естественно, получают наши разработки. А что касается последней разработки... – сейчас Ванька говорил гладко, словно выступал с докладом на публике. Даже озабоченное выражение стерлось с его лица – вот что значит истинный ученый. – Мы успешно сдали проект печатающего блока для лазерных принтеров.

– А что, это такая важная вещь? – удивилась я.

– Для принтера – безусловно, – с легким смешком откликнулся Сидоренко. – Но вообще-то, такие блоки уже есть. Мы не изобретали нечто новое, просто старались усовершенствовать то, что имеется в наличии. И это удалось – теперь блоки будут значительно дешевле в производстве, что принесет нешуточную прибыль. К тому же мы произвели некоторые усовершенствования...

Я не стала даже вслушиваться в технические детали того, что они там наусовершенствовали. Мое знакомство с современными технологиями ограничивается способностью пользоваться компьютером для собственных нужд. В остальном же я – полная бездарность.

– А кому еще могли понадобиться ваши разработки?

– Понятия не имею, – изумленно воззрился на меня Ванька. – Может, и надо кому, но я не знаю. Слушай, а почему тебя это интересует?

Я промолчала, а Сидоренко вновь погрузился в глубочайшую задумчивость. Закурил, неловко чиркнув зажигалкой и уронив ее на коврик. Держа в вытянутой руке зажженную сигарету, он ринулся вниз в поисках источника огня, при этом едва не ткнул меня горящим кончиком сигареты и уронил сигарету на сиденье. Тогда я подхватила ее, вышвырнула в окно и рывкнула:

– В моей машине ты не куришь!

– Ладно, – пожал плечами Сидоренко. Чуть покраснел и убрал найденную на полу зажигалку в карман. Потом повернулся ко мне и подхалимски заявил: – Танюш, ты же умная девушка и вообще лучший детектив в Тарасове...

«Ну, такой неприкрытой лестью меня не пронять», – подумала я и улыбнулась, довольная.

– Может быть, ты попробуешь отыскать убийцу Перцевого? – продолжил Ванька. – Я заплачу, ты не бойся. Ведь с тех пор как появились спонсоры, у меня вполне нормальная зарплата. Просто мент этот от меня точно не отвяжется.

Я сделала вид, что раздумываю, хотя думать, в сущности, было не о чем. Впрочем, сначала не повредило бы посоветоваться с моими магическими «косточками» – для порядка. При расследовании, любом, а особенно на первых порах, я всегда советуюсь с высшими силами, так сказать.

Вот и теперь, подогнав машину к обочине, я выудила замшевый мешочек с додекаэдрами и, задумавшись о перспективах дела, швырнула их на сиденье. Сидоренко не удивился – за время нашего с ним прежнего общения он успел привыкнуть к странностям моего метода.

Выпало: 13+30+2. Я с ходу вспомнила формулировку и присвистнула: сочетание, во-первых, означало разоблачение чьих-то неблагоприятных поступков. Но, во-вторых, оно предупреждало или советовало: «Никогда ни к чему и ни к кому не предъявляйте претензий – ни к прошлому, ни к людям, ни к богу, ни к судьбе». Ну, начало предсказания предельно ясно: я раскрою дело и отыщу убийцу Перцевого. А вот дальше...

Ладно, жизнь покажет.

– Ну что? – когда я убрала волшебные «косточки» обратно в замшу и забросила мешочек в сумку, поинтересовался Ванька. – Возьмешься за расследование?

– Возьмусь. Почему бы и нет? – усмехнулась я.

– Правильно, – обрадовался Сидоренко. – Друзьям надо помогать в беде.

– Только, Ванечка, золотце, не лезь ты, куда не надо. И вообще, лучше из дома не выходи, – вспомнив о тяготении к моему приятелю всевозможных неприятностей и приключений с ярко выраженной криминальной окраской, предупредила я. – Иначе париться тебе за решеткой до скончания века.

– Да что же я, не понимаю, что ли? – утомленно вздохнул Сидоренко. – Только на работу все равно ходить придется, отпуск я совсем недавно отгулял.

– Слушай, – пропустив его реплику мимо ушей, задала я неожиданно появившийся в голове вопрос, – а что с Лавкиными?

– А что с ними? – переспросил непонятливый Сидоренко. – Нормальные люди. Галя очень даже ничего, Сашка умный мужик.

– Да нет, – махнула я рукой. – Им могла быть выгодна смерть Перцевого?

– Выгодна?

Нет, этот чертов Ванька точно не от мира сего. Алхимик несчастный, законопатился в своих микросхемах или бог его знает в чем, а о внешнем мире имеет лишь общее представление. Мол, есть на свете и другие люди, которые тоже ходят на работу, стирают носки и жуют яичницу с колбасой по утрам. Но для него все люди хорошие, пока не показали себя с дурной стороны, причем не показали достаточно явно, чтобы недалевидный Ванечка-дурачок это заметил и отложил в своем сознании.

– Ну да, что они будут делать, если труп Перцевого найдут? – резко спросила я, тормозя перед домом Сидоренко. – Только не говори мне, что проливать слезы скорби.

– Тань, я не знаю, – растерянно откликнулся Иван. – Честно, не знаю. Они вроде бы с Андреем не ругались, если ты об этом. Нет, ну мы все с ним иногда цапались – он подгонял нас в работе, хотя, когда застой в мыслях, это все равно без толку. Но из-за этого убить человека? – Сидоренко передернулся, слегка побледнев.

– Ладно, – махнула я рукой. – Иди домой. Отмывайся, спи, расслабляйся. Думаю, сегодня ты можешь прогулять работу.

– Угу, я туда и не собирался, – кивнул Ванька. Выудил бумажник и выплатил мне аванс. – Этого хватит?

– Естественно, – усмехнулась я, убирая деньги в карман.

– Тогда я пошел. Тань, только если что узнаешь, позвони мне, пожалуйста. У тебя есть номер моего телефона?

– Разумеется.

Сидоренко вышел из машины и, естественно, поскользнулся в луже, разлившейся у подъезда, и плюхнулся в нее. Поднявшись, улыбнулся, демонстрируя, что с ним все в порядке, и помахал мне рукой. От его ладони разлетелись по сторонам серо-грязные брызги, а на джинсах, и без того имевших сейчас далеко не идеальный вид, расплзлось радужное пятно от разлитого в злосчастной луже мазута.

* * *

Я заехала домой и сменила джинсовый прикид на симпатичный брючный костюм цвета незрелого яблока. Под пиджак натянула нечто вроде топики, очень-очень эротичного. Коротенькая такая штучка без лямок, со вставленными в ткань косточками, приподнимающими грудь. В общем, в лучшем духе парижских домов моды. День только начался, и я пока не знала, куда мне предстоит отправиться. А так – выгляжу вполне достойно, деловая женщина в бледно-зеленом костюме и темно-изумрудном топе, едва выглядывающем из выреза пиджака. Сняла пиджак – и вот уже мир видит очаровательную даму в почти вечернем туалете – узкие брюки эффектно очерчивают ноги, на талии – ремешок в тон топику с изящной серебристой пряжкой. Обнаженные плечи выглядят чрезвычайно привлекательно.

Сунув ноги в туфли на невысоком каблуке и перебросив через плечо неизменную сумку со всем необходимым, я вышла из квартиры и спустилась к машине.

Путь мой лежал в НИИ ЭКТ. Для начала я намеревалась пообщаться с Астраханцевой и попытаться узнать об ее отношениях с Андреем. Настя все еще была мне симпатична, но субъективные эмоции не должны мешать расследованию, за которое мне платят вполне объективными купюрами.

НИИ располагалось в историческом центре Тарасова, сливаясь своими серыми, давно не видевшими реставраторов стенами с завесой дождя. Массивная дверь входа была украшена надписью: «Посторонним вход воспрещен», такой же старой, как и само здание. Видимо, когда-то институт считался секретным и разрабатывал оружие. Вот и теперь, после переквалификации, надпись осталась, напоминая случайным посетителям, что не стоит сюда соваться.

Я не колеблясь взялась за ручку двери, отчего-то тепловатую и немного липкую, будто на ней только что лежала чья-то потная ладонь. Поморщившись, потянула дверь на себя и с трудом открыла, растягивая тугую пружину. Проскользнув в освещенный белыми лампами холл, услышала, как дверь с глухим стуком захлопнулась за мной. Я вспомнила стук топора на даче Перцевого, когда Андрей рубил дрова. А потом этот самый топор лежал в луже крови.

– Девушка, вы к кому? – вежливо поинтересовался охранник, внимательно оглядывая мой слегка затронутый водяной капелью и оттого ставший в крапинку костюм.

Я улыбнулась высокому парню лет двадцати с небольшим, поразившись чистоте и доверчивости его красивых светло-серых глаз, и ответила:

– Я бы хотела встретиться с Астраханцевой.

– Вы договаривались с Анастасией Валерьевной? – спросил молодой человек, барабаня пальцами по обтянутому пятнистым комбинезоном мускулистому бедру.

– Боюсь, что нет, но передайте ей, что пришла Татьяна, знакомая Сидоренко. Думаю, она не откажется меня принять.

– Хорошо, присаживайтесь, я ей позвоню, – согласился с моим предложением парень.

Я опустилась в продавленное дерматиновое кресло, которое оказалось достаточно холодным на ощупь. Поежившись, я стоически выдержала несколько минут ожидания, и мое долго-терпение было вознаграждено:

– Анастасия Валерьевна вас ждет, поднимитесь, пожалуйста, на восьмой этаж, лифт там.

– Спасибо, – снова очаровательно улыбнулась я и поймала ответную улыбку, совершенно преобразившую лицо парня. Теперь он не казался строгим, а стал обыкновенным озорным мальчишкой.

Пройдя к лифту, я с трудом открыла внешнюю сетчатую дверь, потом – внутреннюю, стеклянную, и нажала на кнопку восьмого этажа. Мастодонт советских времен, всхлипнув и прохрипев что-то невразумительное, повез меня по шахте вверх. Перед глазами проплывали этажи и перекрытия. Это казалось даже забавным – я привыкла к скоростным лифтам с непрозрачными дверями.

Наконец я благополучно достигла восьмого этажа, и почти сразу же взгляд мой уткнулся в табличку на двери: «Астраханцева А.В., заместитель директора НИИ ЭКТ». Я даже не успела постучаться, как дверь распахнулась и мне навстречу выпорхнула Анастасия. Сейчас ее было бы правильнее называть так, как охранник, – Анастасия Валерьевна. Сегодня Астраханцева являла собой успешную деловую женщину. Изящный светло-коричневый костюм с бледно-золотистой шелковой блузкой подчеркивали необычность цвета ее глаз. Гладко уложенные на затылке волосы, туфли из дорогой кожи на невысоком каблуке. Да, к такой даме и не обратишься с демократичным «ты».

Впрочем, тут я ошиблась. Моя вчерашняя соседка по праздничному столу неожиданно сразу предложила приятельский тон.

– Танечка? Здравствуй, заходи, я очень рада тебя видеть! – действительно довольно воскликнула Астраханцева, радушно приглашая в кабинет. – Проходи, проходи.

Я мельком поздоровалась с ее секретаршей – невысокой хорошенькой девчонкой без особых мыслей в глазах, и последовала приглашению.

– Я-то думала, что в ближайшем будущем тебя не увижу. Ведь фамилии твоей не знаю, а Сидоренко, беднягу, посадили, – доверительно сообщила Астраханцева, потом вызвала секретаршу и предложила: – Будешь кофе?

Я машинально кивнула, пытаясь прийти в себя и освоиться с обстановкой. Вроде бы я тоже симпатична Анастасии. Но не слишком ли чересчур ее внешнее приятельство? С чего бы такое?

– Ты сказала, что хотела меня найти? Я правильно поняла? – наконец решила я рассеять туман непонятности. Астраханцева кивнула.

– Зачем?

– Понимаешь, Тань, в мире не так много умных людей. Мне показалось, ты относишься к этой категории.

– Я польщена, – язвительно вставила я, отпивая глоток принесенного кофе. И улыбнулась – кофе оказался неплохим.

– Я, наверное, неправильно выразилась, – засмеялась Настя, не обижаясь на мою колкую реплику. – Извини, так уж получилось. Но я действительно рада тебя видеть.

– А Сидоренко, кстати, отпустили, – заметила я. – Мы с ним виделись с утра.

– Замечательно. Я, конечно, не буду ставить ему прогул на сегодня. Неужели в милиции могли всерьез поверить, что Иван убил Перцевого? – изумилась Астраханцева, попивая кофе из хрупкой чашечки.

– Они хотят в это верить, – пожалала я плечами. – Слушай, а кто теперь займет место Перцевого? Он ведь был руководителем отдела?

– Лавкин, полагаю. Я бы с удовольствием поставила Сидоренко, но он совершеннейший профан в административных делах. А зачем тебе это? – спохватилась Астраханцева, недоуменно вскинув изящные брови.

– Просто интересно, – откликнулась я, – как все пойдет дальше. – И перевела беседу на другую тему: – Тебя менты еще не вызывали?

– Пока нет, – покачала головой Анастасия. – А к тебе уже цеплялись?

– Тоже нет еще, – улыбнулась я. – Но они нас обязательно достанут. Всех. И нервы потрепят нешуточно.

– Да, наверное, – на лице Насти не дрогнул ни единый мускул – или ее это мало тревожило, или она так хорошо умеет владеть собой. – А труп еще не нашли?

– Вроде бы нет. – Я закурила и задумчиво бросила в пространство: – Интересно, куда его могли деть? Закопать на территории дачи – на это требуется слишком много времени. А вытащить за забор, пожалуй, не могли – следы бы остались. Да и все равно менты нашли бы и там.

– Да, и в самом деле загадка... А в доме?

– Милиция все обыскала. Не такие они идиоты, как думают многие...

Анастасия тоже закурила, и мы помолчали несколько минут, мысленно отдавая дань памяти покойному Андрею Перцевому. Потом Настя вскинула голову:

– А с чего мы все решили, что его убили? Может быть, он еще жив? И умудрился сбежать?

– Сбежать он не мог, за забором нет ни единого следа. Спрятаться в доме тоже – менты обшарили все...

Да, загадочка та еще. Черт возьми, как я разберусь с этим делом?

– Никак не могу поверить, что кто-то из нас мог убить Андрея... – пробормотала Астраханцева словно бы себе под нос, и глаза ее при этом зажглись нехорошим огоньком.

Я склонилась к столу, демонстрируя повышенное внимание, и прищелкнула к его нижней поверхности «жучок». Маленькая штучка эта нередко мне помогала, теперь все разговоры, происходящие в кабинете Анастасии, я услышу. Обязательно услышу.

– Тань, все-таки чем ты занимаешься? Ты вчера так ловко взяла руководство на себя, я даже удивилась. Я, если честно, была в шоке и мало что соображала. А ты...

– Одно время я работала в прокуратуре, а это потом сказывается всю жизнь, – расплывчато ответила я.

Настя удовлетворенно кивнула, словно узнала нечто в высшей мере интересное.

И все-таки я ее подозреваю. Анастасия Валерьевна Астраханцева – женщина недюжинного самообладания, она вполне могла провернуть этот трюк. Только вот за-чем? Но не спрашивать же напрямую? Придется узнавать другим способом. Кстати, надо бы узнать место работы Мародерского. Ведь он тоже был на злосчастном пикнике.

– Как Светка? – поинтересовалась я. – Все скорбит?

– Да, но на работу вышла, – хмыкнула Настя сочувственно. Или насмешливо, я не разобрала. – Все же она его любила, что бросалось в глаза.

– Как тебе это удается? Вроде бы сидишь в своем кабинете, а неплохо знаешь сотрудников, – поразила я.

– Такая ведь у меня работа, – передернула плечами Астраханцева, улыбнувшись. – И не столь уж это сложно, достаточно просто пообщаться с сотрудниками. А все остальное... Оно же совершенно явно написано на лицах.

– Думаешь, Света оклемается?

– Разумеется, куда ей деваться. Ведь Андрея не вернуть...

Я окинула задумчивым взглядом кабинет. Строгая и элегантная обстановка подчеркивала характер обитательницы. Компьютер последней марки на столе, модем, несколько телефонов. Замечательно. И среди всего этого – Анастасия Астраханцева – неординарная женщина, королева НИИ.

– А Герман? Вы вчера нормально доехали? Он вроде бы был не вполне трезв.

– Машину вела я, – усмехнулась Анастасия. – Кстати, он постоянно восхищался тобой.

Я едва заметно покраснела и сама же этому удивилась – давно забыла о такой своей способности. Самообладание прежде всего.

– Да брось ты, мы с ним просто приятели, примерно как вы с Ванькой, – с легу прочитала мои мысли Астраханцева. Все же она очень проницательная женщина, надо быть настороже, а то раскусит – и опомниться не успею. – Не хотелось одной идти на шашлыки, а никого, кроме него, под рукой не оказалось. В общем-то, Герка даже не мой друг, он брат приятельницы.

На Настю, по всей видимости, накатила склонность к откровениям и душевным излияниям. Может быть, ей, бедной, и поболтать здесь не с кем?

– Елена очень озабочена судьбой брата и периодически пытается подкинуть ему даму, на которой Герман бы женился в перспективе. В этот раз дамой оказалась я. Только мы с Геркой не переходили и не перейдем грани между дружбой и любовью. Он неординарная личность, очень неглупый мужчина. Но два руководителя в одной квартире не сойдутся.

– А он тоже руководитель? – поинтересовалась я, вслушиваясь в хриловатый притягательный голос собеседницы и стараясь выуживать из ее откровений крупицы полезной информации.

– Ну да, он занимает должность, аналогичную моей, только в другой фирме. Кстати, оставь свой телефон, я ему передам. Если хочешь, конечно.

Неужели все дамы в возрасте «за тридцать пять» оголтелые сводни? Нет, вряд ли, на Настю непохоже. Она внутренне тоньше.

А Астраханцева открыла один из ящичков своего стола, и по всему кабинету разнесся шорох бумаги, напоминавший шуршание сухих осенних листьев под ногами. Порывшись в столе, Настя достала и протянула мне кусочек картона со словами:

– Лучше поступим по-другому. Если захочешь – позвони ему сама. Не хочешь – не надо. В конце концов, выбирать всегда должна женщина, не правда ли?

– Да, – кивнула я, принимая из тонких прохладных пальцев Насти ламинированный прямоугольник, на котором красовалась надпись: «Спешл Техно». Мародерский Герман Вадимович.

Замечательно, одной проблемой меньше. Мне это даже нравится. Если все и дальше пойдет так же гладко, как теперь, дело я раскрою в рекордные сроки. Хорошо бы, если бы так.

– Смутно знакомое название... – туманно пробормотала я, с видимым интересом изучая визитку.

– Это наша тарасовская фирма, занимается продажей компьютеров, – пояснила Астраханцева безмятежно. – Они хотели нас спонсировать, но появился «Морок», и, разумеется,

шансы «Спешл Техно» упали до нуля. С москвичами сотрудничать выгоднее – у них и расценки повыше, и производство пошире. Ох, кстати, Танюш, ты извини меня, но надо послать туда законченную разработку. Звони в любое время, может быть, куда-нибудь сходим, поболтаем, – и в руки мне попала еще одна визитная карточка, теперь Настина. – Если хочешь, спустись до третьего, там работает отдел Перцевого. Поболтаешь с народом.

– С удовольствием, – кивнула я и добавила, как бы оправдываясь: – Делать все равно нечего. А с Ванькой опасно рядом находиться, когда он в домашних условиях.

Астраханцева кивнула, соглашаясь, и немного нетерпеливо взглянула на часы, а я поинтересовалась, уже подходя к двери:

– Значит, кабинет Перцевого еще не обыскивали?

– А зачем? – недоуменно переспросила Анастасия. – Ведь, на их взгляд, все совершенно ясно – пьяная драка, если я правильно поняла вчерашние милицейские намеки. И убийца налицо.

– Думаю, они все же подсуеются, поищут и другие версии, – бросила я пробный камень, повинувшись скорее интуиции, нежели логике. И не ошиблась – по выразительному эффектному лицу Насти пробежала странная тень.

Тогда я сочла свою миссию выполненной и, попрощавшись, вышла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.